

КРУГЛОПЛАНОВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ ЗАУРАЛЬЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ОТ НЕОЛИТА ДО РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

© 2024 г. В. А. Борзунов

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

E-mail: victor.borzunov@mail.ru

Поступила в редакцию 02.02.2023 г.

После доработки 21.07.2023 г.

Принята к публикации 17.10.2023 г.

Круглоплановые (кольцевые) городища являлись идеальным типом равнинных укреплений. Один из их прототипов – селища с замкнутой расстановкой жилищ по кругу и овалу. На севере Евразии кольцевые укрепления появились в неолите (VI–IV тыс. до н.э.) в обществах рыболовов-охотников-собираателей таежного Приобья и горно-лесного Зауралья во время массового заселения этих территорий в условиях глобального потепления климата. В бронзовом веке (конец III – начало I тыс. до н.э.) такие укрепленные поселки, равно как мысовые и береговые городища, в тайге исчезли, уступив место большим дерево-земляным укрепленным жилищам. В начале эпохи бронзы, во время очередного ксеротерма, в степях Зауралья скотоводами, мигрировавшими из Юго-Восточной Европы, возводятся круглоплановые крепости (синташтинская культура XXI–XVIII вв. до н.э.). Вероятно, под влиянием степного оборонного зодчества в XXI/XX–XVI вв. до н.э. в лесах Нижнего Приобья сооружаются круглоплановые селища ташковской культуры. Первые таежные городища развивались независимо от лесостепных и степных. Как те, так и другие являлись хозяйственно-производственными, социальными и, возможно, культовыми центрами общин. Новое массовое распространение кольцевых городищ в лесостепной зоне Тоболо-Иртышья, а затем в тайге Сургутского и Нижнего Приобья происходило в финале бронзового века и начале железного (VIII/VII вв. до н.э. – III/IV вв. н.э.). В VI/V вв. до н.э. – III/IV вв. н.э. защитные системы некоторых западносибирских укреплений стали дополняться бастионно-башенными элементами, заимствованными у саков Приаралья.

Ключевые слова: Зауралье, Западная Сибирь, тайга, лесостепь, степь, неолит, эпоха бронзы, ранний железный век, кольцевые городища, круглоплановые селища.

DOI: 10.31857/S0869606324010036, **EDN:** ZWLNOK

Изучение результатов полевых и камеральных исследований археологов Урало-Западносибирского региона позволило выделить самый северный в Евразии и мире ареал первобытных укрепленных поселений и их прототипов, приходившийся на таежные, лесостепные и степные области Зауралья и Западной Сибири. Намечены пять этапов генезиса и распространения таких центров на севере Евразии. Они относятся к неолиту и энеолиту (VII/VI – конец III тыс. до н.э.), первой и второй половинам эпохи бронзы (XXI/XX–XV, XII/XI–VIII вв. до н.э.) и раннего железного века (РЖВ I и II: VII–IV/III вв. до н.э.; IV/III вв. до н.э. – III/IV вв. н.э.) (Борзунов, 2013. С. 20; 2015. С. 296; 2016. С. 34; 2020а; 2020б. С. 99–100, 396).

В этом ареале наряду с городищами на мысах, холмах, скалах и краях коренных террас возводились большие дерево-земляные укрепленные жилища, а на равнинах – кольцевые (круглого, овального и подовального плана) городища, равно как их типологические предшественники – круглоплановые селища с замкнутой кольцевой расстановкой жилищ.

Статья посвящена феномену оригинальных круглоплановых поселений, как укрепленных, так и без защитных сооружений. Рамки исследования: Зауралье и Западная Сибирь, неолит – ранний железный век (VII/VI тыс. до н.э. – III/IV вв. н.э.). Рассмотрение этих правильного плана поселенческих объектов, довольно необычных для периферийных

территорий Евразии, значительно удаленных от развитых центров Древнего мира, позволяет реконструировать динамику и факторы появления, временного угасания и эпизодического возрождения особой планиграфической традиции на севере континента, причем в сходных либо принципиально разных условиях на протяжении продолжительного времени – от финала эпохи первобытности до преддверия формирования классовых обществ.

В работе приведены характеристики данных поселений, предложены варианты их генезиса, причины разнообразия, рассмотрены факты наличия либо отсутствия преемственности в их становлении и развитии.

При оценке хронологии памятников я опирался на оценки, предложенные авторами раскопок и аналитиками этих поселений. Необходимые даты были установлены на основании традиционных археологических методов (сравнительно-типологический анализ керамики, оружия, орудий труда, украшений и других артефактов), а также с помощью естественно-научных тестов (радиоуглеродное датирование органических остатков с учетом калибровочных поправок или без таковых). Из радиоуглеродных дат в данной публикации использовались в основном определения с калиброванными значениями. При этом приходится констатировать крайне малое количество радиоуглеродных дат, полученных для лесных памятников, по сравнению со степными. Впрочем, для распределения интересующих нас поселений по основным периодам большого количества дат, в том числе “сверхточных” калиброванных радиоуглеродных, не требуется.

Первый этап: неолит. К нему относятся три принципиально разных кольцевых городища, являющихся самыми северными ($57^{\circ}52'$ – $60^{\circ}52'$ с.ш.) в Евразии и мире: Каюково 2 (первая треть или половина VI тыс. до н.э.), Большая Умытья 9 (V тыс. до н.э.) и Полудёнка I (начало IV тыс. до н.э.). Первые два укрепления открыты в средней тайге Приобья, третий – в горно-лесном Зауралье (рис. 1, 1–3).

Памятник Каюково 2 находится в бассейне р. Большой Салым, на вершине песчаной гривы с крутыми склонами. По результатам зондажей биологами установлено, что в древности поселок располагался в 100 м к западу от большого

озера, на высоте 7 м от воды. С юго-востока к возвышенности примыкала пойма реки, заросшая елью, березой и осинкой. Раскопки показали, что это было городище площадью 1100–1200 м², окруженное кольцевым ровиком диаметром 30–35 м (рис. 2, А, Б). Последний не являлся остатками оборонительного рва, а представлял собой канаву, глубиной и шириной около 1 м, заполненную углистой супесью, предназначенную для установки частокола или бревенчатой “стены-тоннеля”. Роль дополнительного защитного пояса выполняли обращенные ко рву торцевые стенки построек № 1–5. Эти жилища были возведены по периметру городищенской площадки и имели прямоугольные котлованы размерами 4 × 5 м, глубиной 0.6–1.2 м. Стены построек сооружены из досок толщиной до 12 см, которые устанавливались вертикально внутри котлованов, где зафиксированы мелкие узкие канавки. По другой версии, стенки котлованов только обшивались плахами, а полуземлянки были каркасно-столбовыми с наземной частью в виде усеченной пирамиды и наклонными стенами, опиравшимися основанием за пределами котлована. Каждое строение было окружено песчаной завалинкой. В центре поселка раскопано большое (6 × 6 м) жилище № 6. В помещениях открыты очаги и хозяйственные ямы. Малая хозяйственная постройка № 7 находилась в канаве и была связана с конструкцией оборонительной стены. Все жилища и постройка соединялись крытыми коридорами длиной до 2 м с углубленными полами. Вход в укрепление располагался с западной стороны и был фланкирован двумя кострищами (Иванько, Кардаш, 2002; Иванько, 2002; 2003; 2008; Кардаш и др., 2020. С. 110, 113. Рис. 2).

Поселение Большая Умытья 9 находится на правом берегу одноименной реки, являющейся левым притоком Конды. Укрепление занимало часть обширного песчаного мыса высотой 4–6 м, ограниченного с юга поймой, а с запада – логом. В ходе раскопок установлено, что это было кольцевое городище площадью не менее 900 м². Окружавшая его канава-“ровик” шириной 0.4–0.5 м, глубиной 0.5–0.7 м осталась от основания частокола. Центр поселения занимала полуземлянка с прямоугольным (8.8 × 8.2 × 2.8 м) котлованом, окруженная песчаной “завалинкой”. От опорных конструкций

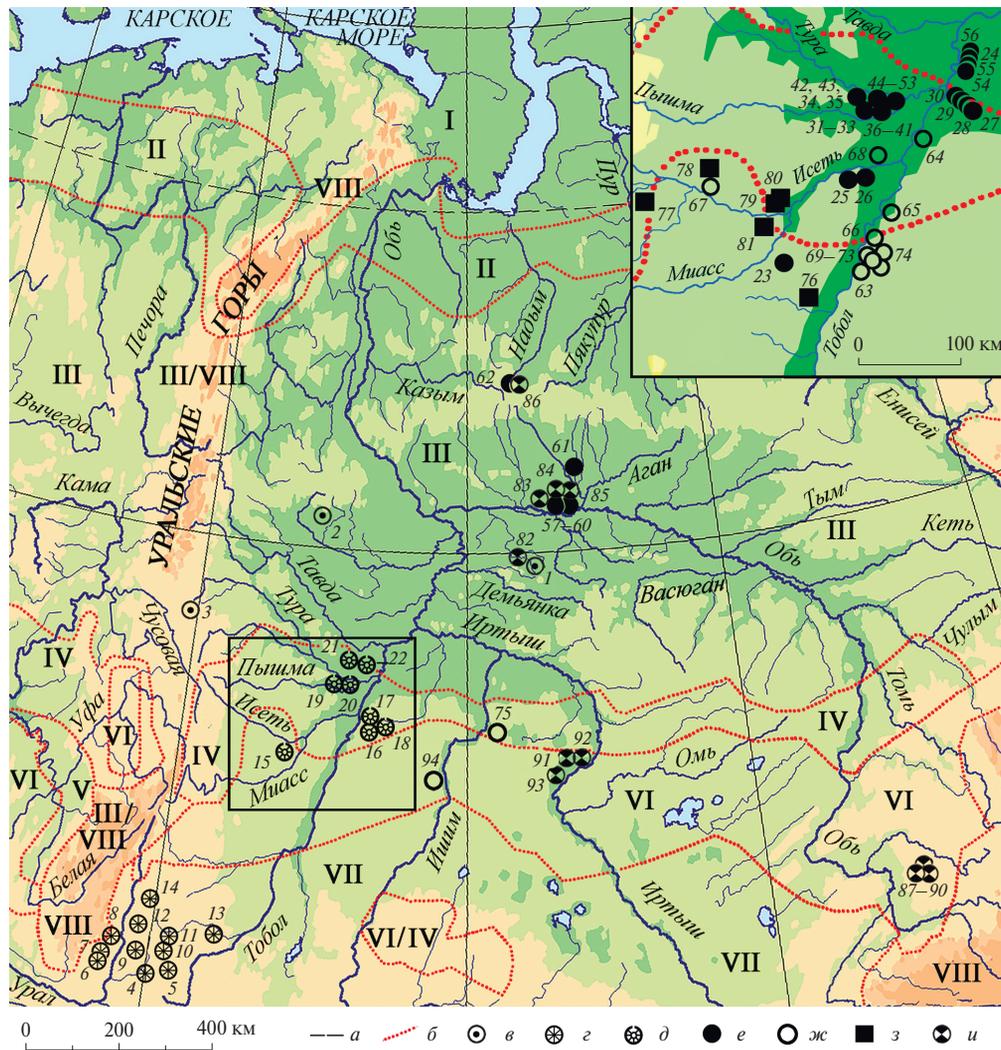

Рис. 1. Карта основных круглоплановых поселений неолита – раннего железного века Зауралья и Западной Сибири: 1 – Каюково 2*; 2 – Большая Умыгья 9*; 3 – Полудёнка I*; 4 – Аландское*; 5 – Берсуат (Ягодный Дол)*; 6 – Селек (1-я площадка); 7 – Улак I*; 8 – Кизильское (ранний горизонт)*; 9 – Аркаим (Утяганское)*; 10 – Синташта I*; 11 – Журумбай; 12 – Сарым-Саклы (Сарым-Сакла, Зингейка); 13 – Исеней I и II; 14 – Шикуртау; 15 – Ташково II*; 16 – Заводоуковское X*; 17 – Заводоуковское VIII/1; 18 – Заводоуковское XIII*; 19 – САО*; 20 – ЮАО XIII*; 21 – Иска III*; 22 – Шапкуль VIII, X; 23 – Санаторий “Лесные Горки”; 24 – Нерда 20; 25 – Онуфриевский Борок*; 26 – Сазык 8; 27 – Карагай Аул 4*; 28 – Карагай Аул 1*; 29 – Вак Кур 2*; 30 – Юртобор 6; 31 – Кыртым 2*; 32 – Кыртым 1*; 33 – Мичуринец 3; 34 – Андреевские 5* и 7*; 35 – Андреевское 6; 36 – Кыртым 3; 37–41 – ЮАО 5, 11, 15, 18, 23; 42 – Андреевское 11; 43 – Болотное 4; 44 – Белый Яр 4; 45 – Митюшино 5; 46 – Энергетик 1; 47 – Антонова Старица 1; 48–53 – Пламя Сибири 1–6; 54 – Варвара 1; 55 – Бор 1; 56 – Караульный Яр 4; 57 – Барсов городок I/9*; 58 – Барсов Городок III/1*; 59 – Барсов городок III/2*; 60 – Барсов Городок III/7*; 61 – Ермаково IV; 62 – Нумто II*; 63 – Баитовское (Чудаки)*; 64 – Большой Имбиряй 3*; 65 – Боровушка 2*; 66 – Бочанецкое*; 67 – Нижне-Суварышское I; 68 – Слободо-Бешкильское; 69–73 – Увал 1, 2, 3, 4*; 74 – Камышное I (Романовское)*; 75 – Лихачевское (Ерзовка)*; 76 – Гороховское-Чудаки*; 77 – Мало-Казахбаевское*; 78 – Нижне-Суварышское V; 79 – Ильтяковское; 80 – Юлдус 1; 81 – Мурзинское; 82 – Соровское XXXIV; 83 – Кучиминское XV; 84 – Барсов Городок I/6*; 85 – Барсов Городок II/5; 86 – Нумто III; 87–89 – Городище 3*, 7, 8; 90 – Малый Иткуль 4*; 91 – Батаково VI (Инберень IV)*; 92 – Батаково XIX*; 93 – Кушайлы; 94 – Марай 4*. Условные обозначения: а – Северный полярный круг; б – границы современных природно-климатических зон (I – тундра; II – лесотундра; III – редколесье; IV – тайга; V – широколиственно-лесная; VI – лесостепь; VII – степь; VIII – горные районы); в – городища неолита (1–3); г – синташтинские городища начала эпохи бронзы (4–14); д – ташковские “подкрепленные” поселения начала эпохи бронзы (15–22); е – юртоборские городища рубежа бронзового и железного веков (23–56); ж – белоярские, калининские, баитовские городища РЖВ I (57–75, 94); з – гороховские городища РЖВ I (76–81); и – кулайские и саргатские городища РЖВ II (82–93). Здесь и на рис. 2–8: * – памятники, на которых закладывались раскопы или разведочные траншеи.

Fig. 1. A map of circular fortified and non-fortified settlements of Western Siberia and the Urals

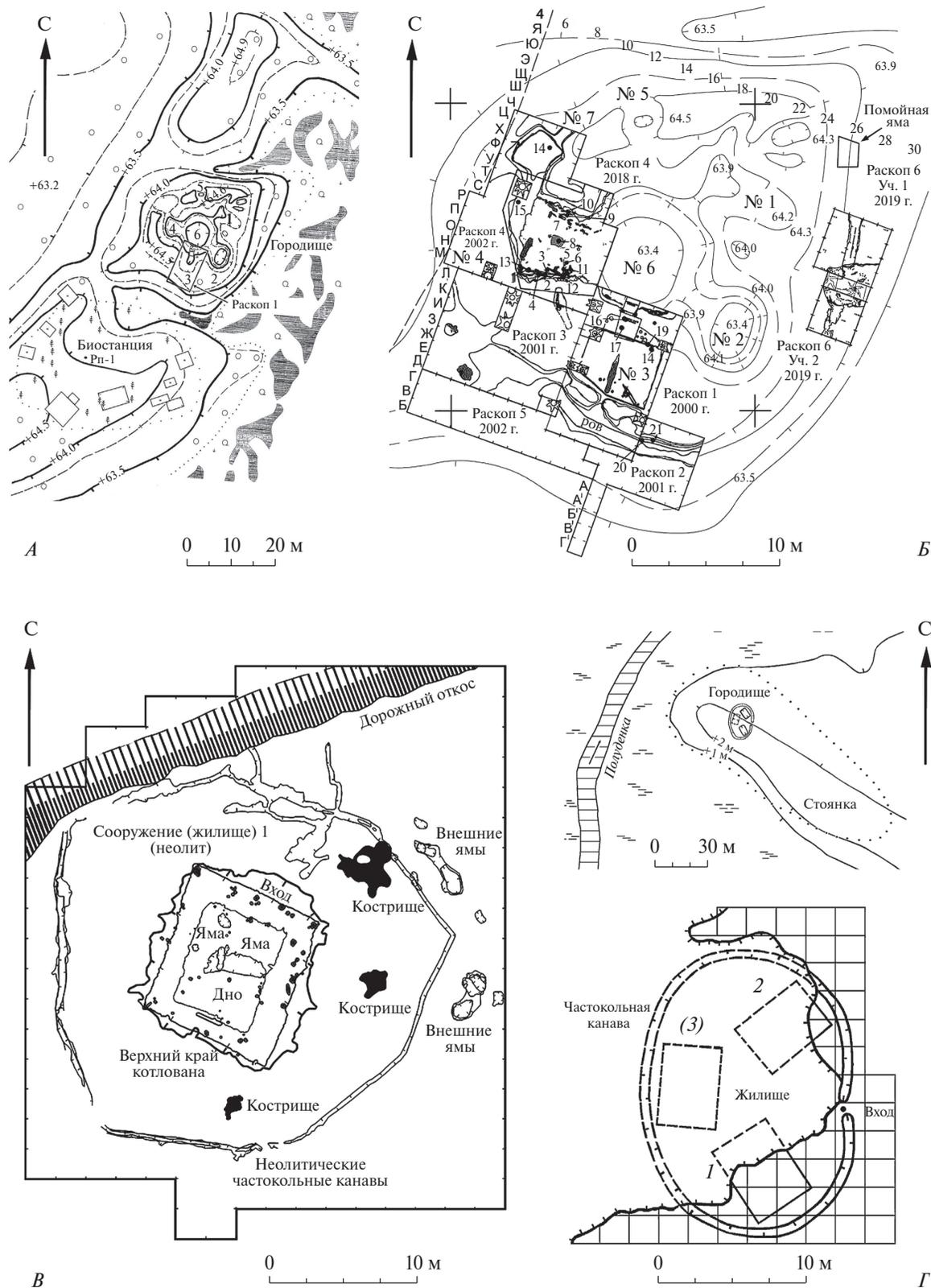

Рис. 2. Укрепленные поселения неолита Каюково 2* (А, Б), Большая Умытья 9* (В), Полудёнка* (Г). Раскопки и съемки Л.В. Ивасько, О.В. Кардаша 2000–2002 гг. (А), О.В. Кардаша, Н.М. Чаиркиной и др. 2018, 2019 гг. (Б), А.А. Погодина 2007, 2008 гг. (В), О.Н. Бадера 1944–1946 гг. (Г). Здесь и на рис. 3–8 север – магнитный.

Fig. 2. The fortified Neolithic settlements of Kayukovo 2* (A, B), Bolshaya Umytiya 9* (B), and Poludenka* (G)

жилища вдоль стенок котлована сохранились столбовые ямки. В центре помещения находилась большая яма (3.7 × 1.2 × 1 м). Следов очага не выявлено. Вход в жилище располагался с северной стороны. На огороженном дворе прослеживались остатки наземных кострищ. За оградой открыты пять вытянутых ям, ориентированных продольно “ровику” (рис. 2, В). Основные находки представлены керамикой сумпаньинского типа (Погодин А., 2010; Борзунов, 2020б. С. 292, 320–322. Рис. 29).

Миниатюрное (260 м²) сильно разрушенное карьером *поселение Полудёнка I* обнаружено в 12 км к западу от г. Нижний Тагил, на оконечности низкого (2 м) мыса в долине одноименной реки, входящей в бассейн Тагила (рис. 2, Г). Оно было окружено овальным ровиком-траншеей размерами 14.5 × 20 м. Автор раскопок О.Н. Бадер предполагал наличие здесь трех жилищ с прямоугольными котлованами, защищенными “деревянной оградой” (на мой взгляд, частокольной стеной) с одним проходом, расположенным с напольной стороны (Бадер, 1949; Борзунов, 2020б. С. 331–338. Рис. 35; 36).

Второй этап: начало эпохи бронзы. Около 2030–1740 (2300–1400) гг. до н.э. (Епимахов, 2004. С. 204–208; Молодин, Епимахов, Марченко, 2014) в степях Южного Зауралья скотоводами синташтинской культуры возведена серия больших укрепленных центров. Формирование ее было результатом массовых миграций скотоводческих племен Юго-Восточной Европы, устремившихся на восток в поисках новых пастбищ и, возможно, источников медных руд. Эти грандиозные подвижки происходили вслед за сильнейшей засухой XXIII–XXII вв. до н.э., в условиях улучшения климатической обстановки (ксеротерм) на севере Евразии (Таиров, 2003; Григорьев, 2015; Борзунов, 2020а. С. 360 и сл.).

Первые степные городища в плане были овальными (Аландское, Берсуат, Кизильское – ранний горизонт, Улак I, Шикуртау) и округлыми (Синташта I, Аркаим, Журумбай, Сарым-Саклы / Зингейка, Исеней I и II, Селек – основная площадка) (Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.Ф., 1992; Зданович, Малютина, 2004; Зданович, Батанина, 2007; Макурова, Петров, 2017; Солдаткин, 2018; История Южного Урала..., 2019; Зданович Г.Б., Малютина, Зданович Д.Г., 2020) (рис. 1, 4–14; 3). Поселения

равнинные, располагались рядом с источниками воды, на краях низких коренных террас, были окружены рвами и дерево-земляными стенами с глинистой заливкой и валообразными подсыпками. Диаметры памятников варьируются от 140 до 170 м. Застройка поселков плотная, монолитная, секторально-радиальная. Жилые камеры стандартные, вытянутого подтрапециевидного плана, бревенчато-столбовой конструкции, с вертикальными стенами и слегка наклонными двускатными крышами, покрытыми жердями, камышом и грунтом. Пристроенные друг к другу жилища образуют кольцевой массив, разделенный на сектора прямыми “улочками”, ориентированными к центру поселка. В помещениях открыты места отдыха, очаги, производственные печи, хозяйственные ямы, колодцы. В некоторых укреплениях выявлены по два “жилых кольца”, разделенные круговыми “улочками” с остатками перекрытых плахами водостоков. Наружные части жилых секторов соединялись с оборонительной стеной. Дополнительными защитными элементами являлись предвратные укрепления и ложные входы-ловушки. Входов в поселок зафиксировано от двух до четырех. В центре укрепления находилась круглая открытая площадка, предназначенная для хозяйственных целей, собраний, ритуалов и, возможно, для укрытия части скота в проблемные моменты.

Эти поселения выглядят как уменьшенные и видоизмененные варианты круглоплановых балканских крепостей с каменной архитектурой (о них: Мерперт, 1995; Балабина, 2015; Nikolov, 2016; Борзунов, 2020б: 147–150, 164, 165, 312, 344, 347). Вполне вероятно, что планировка степных городищ Зауралья была заимствована предками синташтинских племен в юго-восточных областях Европы. В новых условиях она была реализована с использованием местных строительных материалов – бревен, жердей, дерна, глинистых растворов, “земляных” блоков, камыша, как исключение – плитчатого камня, применявшегося для облицовки валов и рвов.

Высказана и альтернативная гипотеза – о местном генезисе данных поселений как следствие развития погребальной обрядности ямных племен Южного Урала. Первые синташтинские укрепления якобы не были связаны с миграциями, а

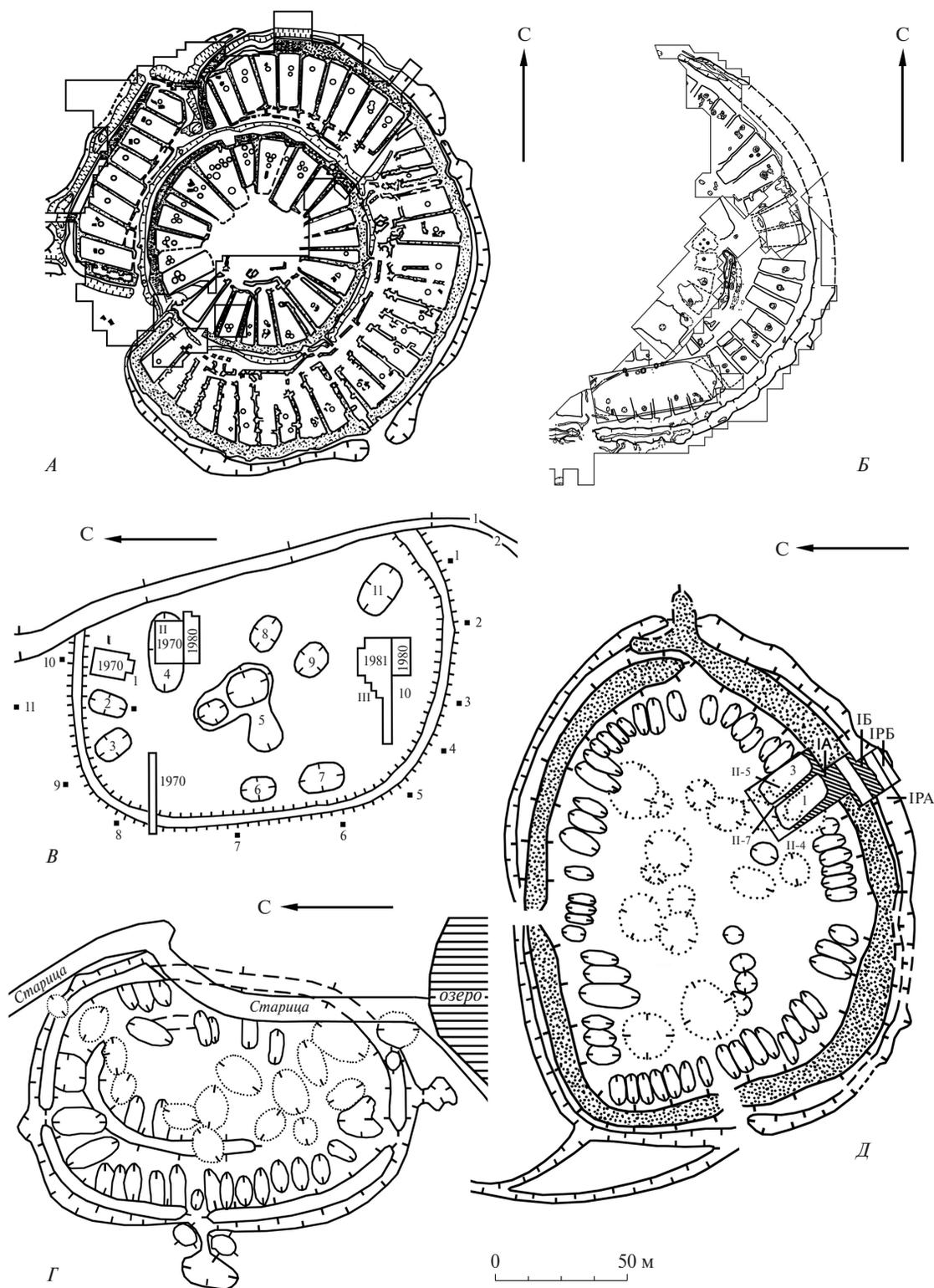

Рис. 3. Укрепленные поселения эпохи бронзы синташтинской культуры Аркаим* (А), Синташта* (Б), Кизильское – ранний горизонт* (В, Г), Аландское* (Д). Разведки, раскопки и съемки Г.Б. Здановича, С.Г. Боталова, С.А. Григорьева, Д.Г. Здановича и др. 1987–1996 гг. (А), В.И. Стефанова, В.Ф. Генинга, Г.Б. Здановича, В.В. Генинга и др. 1968, 1972–1976, 1983–1987 гг. (Б), В.С. Стоколоса 1968–1970, 1980, 1981 гг. (В), А.Д. Таирова, Г.Б. Здановича, И.М. Баганиной и др. 1995–1996 гг. (Г), Г.Б. Здановича, Т.С. Малютиной 1997, 1999–2000 гг. (Д).

Fig. 3. Bronze Age Sintashta fortified settlements of Arkaim* (A), Sintashta* (B), Kizilskoie – early horizon* (B, G), Alandskoye* (D)

строились по образу и подобию овальных и круглых курганов, оконтуренных “сырцовыми кладками” и рвами (Малютина, Зданович, 2013. С. 62–64).

Археологи, изучавшие синташтинские и синташтинско-петровские укрепления, указывают на отсутствие в них следов “военных катастроф”, а также боевого травматизма на костях из синхронных могильников. Некоторые исследователи даже утверждают, что военная функция обводных стен и рвов в круглоплановых центрах не была ведущей. Такие поселки-карды создавались для защиты населения от суровых климатических условий (зимние холода, весенние потопа) и от угрозы угона скота (Чечушков, Дакович, Якимов, 2018. С. 88, 89). Впрочем, наличие фортификаций вокруг стационарных поселков, наоборот, увеличивало шансы комфортного проживания степняков и спасения домашних животных в сложных условиях.

В действительности на время существования синташтинской культуры пришелся пик “военизированнойности” населения эпохи бронзы в данном регионе (История Южного Урала..., 2019. С. 287). Вследствие этого военная функция фортификаций в этот период приобрела первостепенное значение (Зданович, Батанина, 2007). Война и строительство оборонительных систем в уральских степях были спровоцированы конфликтами за новые территории и ресурсы, причем в первую очередь между родственными коллективами.

В соседнем Нижнем Притоболье, на границе лесов и лесостепи, на низких берегах рек и озер населением ташковской культуры стали возводиться круглоплановые поселки, но без оборонительных стен и рвов (рис. 1, 15–22; 4). Для точного датирования этих памятников данных мало. Ташковскую культуру ее главный исследователь В.Т. Ковалева, на основании результатов семи радиоуглеродных тестов, поместила “вокруг рубежа III–II тыс. до н.э.” (Ковалева, 2005. С. 105, 106).

Площади памятников варьировались от 700 до 2500 м². Постройки в них стандартные, наземные с квадратными котлованами средних размеров (40–55 м²). Стены жилищ вертикальные бревенчатые или, скорее всего, слегка наклоненные к центру помещения. Дома стояли

близко к друг к другу или, как вариант, были объединены в замкнутый кольцевой (овал, круг, трапеция) жилой массив. Центр селения оставался свободным или был занят одной постройкой. Вход в поселок, шириной около 2 м, находился со стороны водоема. Известно 10 таких поселений: Ташковское II, ЮАО XIII, Заводоуковские VIII/1, X (ранний горизонт), XIII, Иска III, возможно, Шапкуль VIII, X, ЮАО X, САО (Северный берег Андреевского озера). Их планиграфия напоминает синташтинские укрепления.

Жители этих поселков, по мнению их исследователей, являлись потомками степных скотоводов и металлургов, в значительной степени утративших в лесах навыки производящего хозяйства (Ковалева, 1988; Ковалева, Рыжкова, Шаманаев, 2000). Между тем у ташковских общин не было обязательных для степняков курганов и грунтовых погребений. По оценкам специалистов, носители ташковской культуры — это рыболовы-охотники юга Западной Сибири с зачаточным бронзолитным производством. Только самые южные ташковские коллективы могли позаимствовать у обитателей степей навыки содержания небольшого количества домашнего скота. Единичные кости лошади, найденные на данных памятниках, представлены дикой формой (Косинцев, 1999. С. 82, 83; Дегтярева, Ковалева, Кузьминых, 2014; Борзун, 2020а. С. 381–387. Рис. 1, 33–38; 7–9).

Третий этап: финал эпохи бронзы. В Курганском Притоболье раскопано двухслойное поселение — Заводоуковское X (рис. 1, 16; 4, Г). Носители бархатовской культуры (XIII/XII–VIII вв. до н.э.), представители обществ межзовско-ирменского историко-культурного пласта, построили этот кольцевой центр на руинах ташковского, но с жилищами иной конструкции — подквадратными полуземлянками с длинными коридорообразными выходами, обращенными к центру незастроенной площадки (Сергеев, 1991; Очерки культурогенеза..., 1994. С. 167. Рис. 9, Г).

Четвертый этап: рубеж бронзового и железного веков, первая половина раннего железного века. В IX/VIII–VI вв. до н.э. в Нижнем Притоболье в массе распространяются разной величины (1–64 тыс. м²) одно- и двухплощадочные городища с фортификациями круглого, овального и

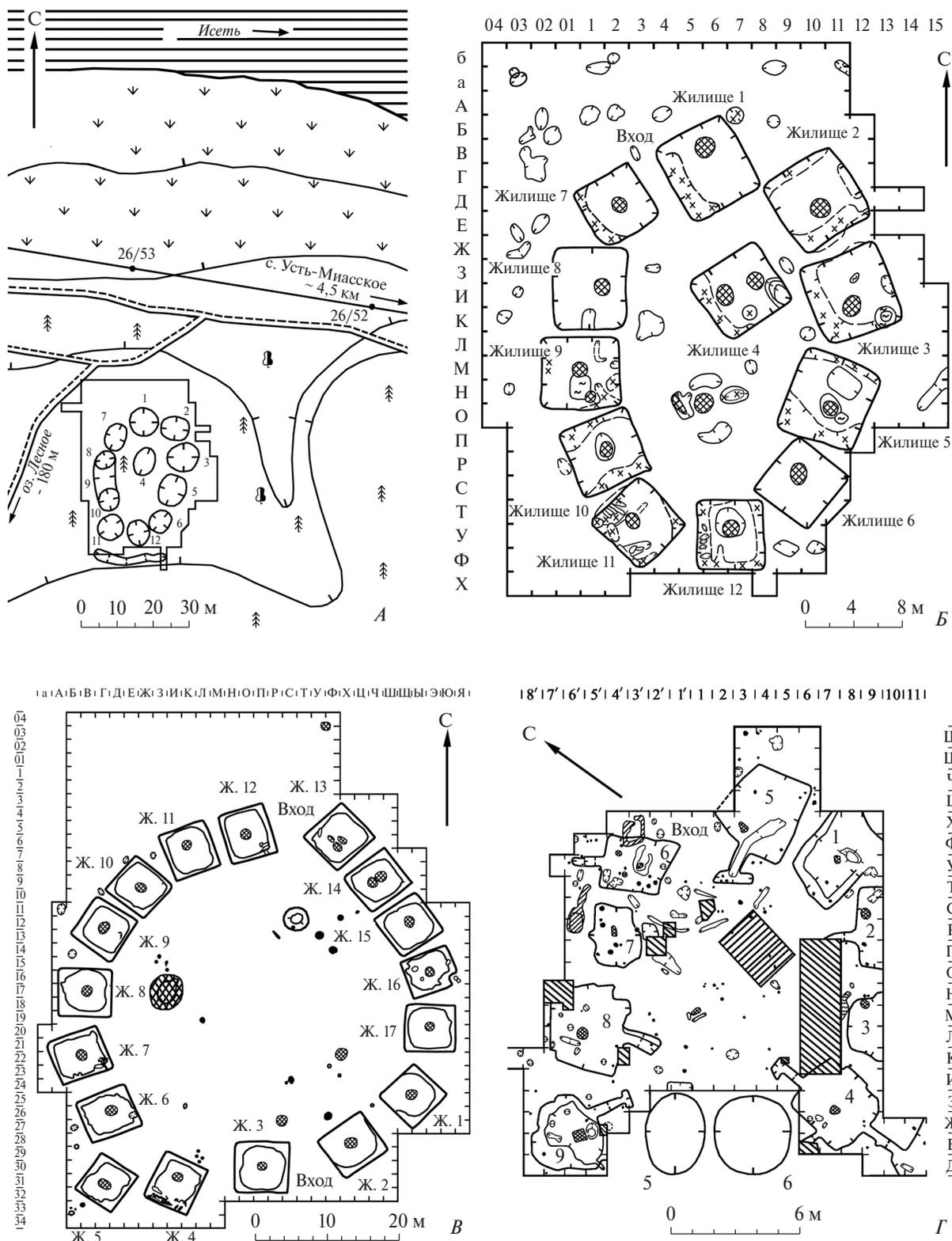

Рис. 4. Круглоплановые неукрепленные поселения эпохи бронзы Ташково II* (А, Б), ЮАО XIII* (В), Заводоуковское X* (Г). Ташковская (А–Г) и бархатовская (Г) культуры. Раскопки и съемки В.Т. Ковалевой 1982, 1984–1986 гг. (А, Б), Л.А. Осоткиной 1979 г., В.Т. Ковалевой, О.В. Рыжковой 1990–1994 гг. (В), С.А. Сергеева 1985, 1988–1990 гг. (Г).

Fig. 4. Circular unfortified settlements of the Bronze Age Tashkovo II* (A, B), YuAO XIII* (B), Zavodoukovskoye X* (G). The Tashkovo (A–G) and Barkhatovo (G) cultures

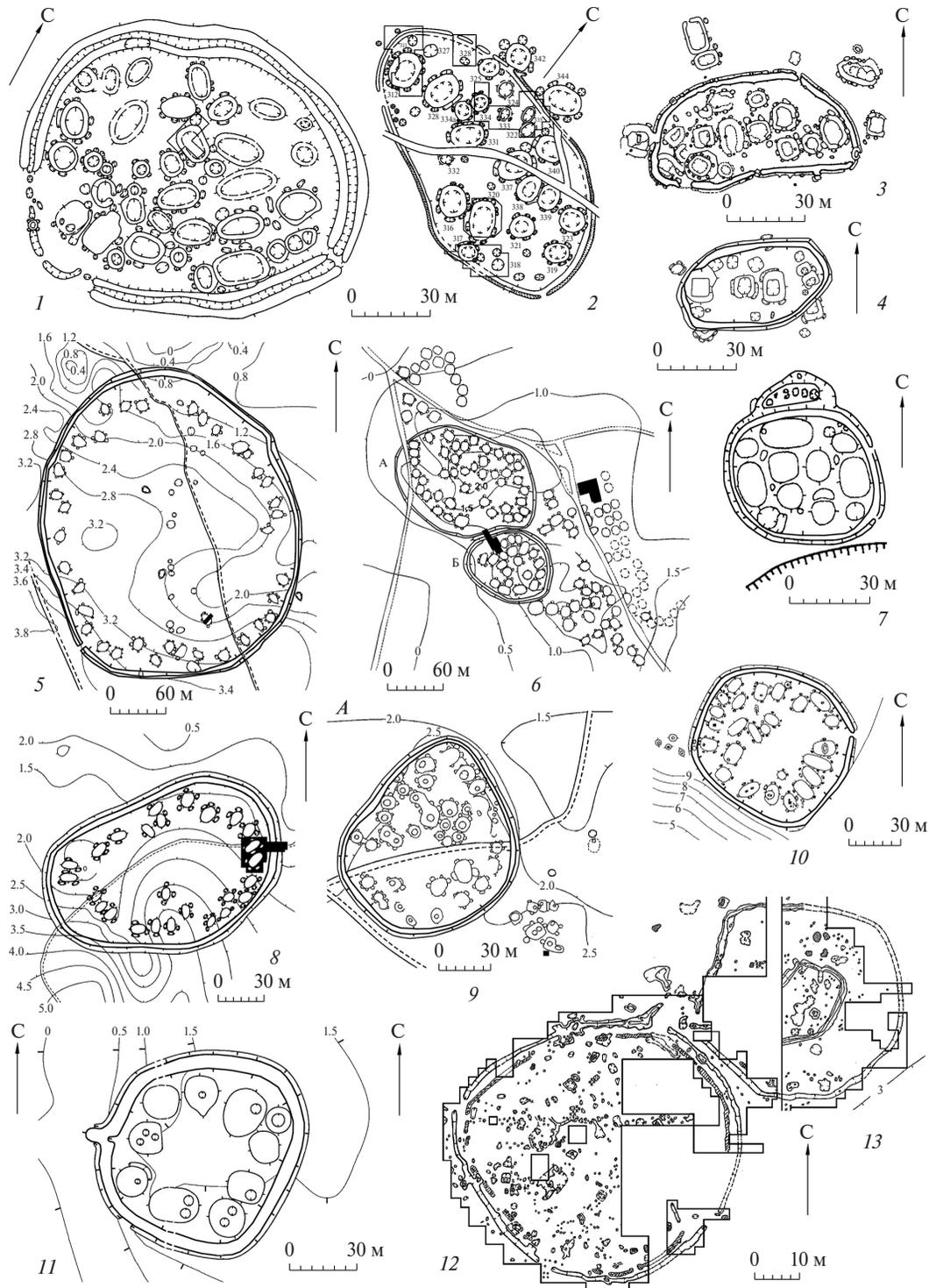

Рис. 5. Кольцевые городища белоярской (1–3) и калинкинской (4, 7) культур раннего железного века, юртоборской культуры рубежа бронзового и железного веков (5, 6, 8–13).

1 – Барсов Городок III/1*; 2 – Барсов Городок III/7*; 3 – Ермаково IV; 4 – Нумто II (4); 5 – Кыртым 1*; 6 – Вак Кур 2*; 7 – Барсов Городок I/9; 8 – Карагай Аул 4*; 9 – Андреевское II; 10 – Нерда 20; 11 – Сазык 8; 12 – Андреевское 7*; 13 – Андреевское 5* (1–4 – по Чемякин, 2008. Рис. 46, 1–3; 61, 6; 4, 7 – по Чемякин, Зыков, 2004. Рис. 4; 5, 6, 8–12 – по Зимица, Зах, 2009. Рис. 3; 4; 10; 16; 50; 58; 66; 67; 72).

Fig. 5. Ring fortified settlements of the Early Iron Age Beloyar (1–3) and Kalinkina (4, 7) cultures, and of the Yurtobor culture at the turn of the Bronze and Iron Ages (5, 6, 8–13)

подовального плана. Их защитные бревенчатые стены были укреплены в основании песчаными “валиками” и дополнены мелкими ровиками-водоотводами. Таких памятников выявлено 23. На восьми из них (Андреевское 5 и 7, Карагай Аул 1 и 4, Вак-Кур 2, Кыртым 1 и 2, Белый Яр 4) проведены раскопки (рис. 1, 23–56; 5, 5, 6, 8–13). Постройки располагались в основном по периметру городищенской площадки, а значительная часть ее была свободна, возможно, с целью размещения здесь скота. Данные жилища отличались от полуземлянок бархатовской культуры. Это были наземные сооружения каркасно-столбовой конструкции, со слабо углубленными полами, наклонными бревенчатыми стенами, оконтуренными в основании песчаными завалинками и ямами-“карьерями”. Их точными аналогами являлись многочисленные жилые объекты таежного Приобья. Тюменские археологи отнесли эти укрепления к “восточному варианту иткульской культуры”, подразделив на иткульские, карагай-аульские и вак-куровские. Последние определили северным вариантом баитовских (Зими́на, Зах, 2009). Тем не менее культура создавшего их населения с комплексным хозяйством (скотоводство, рыболовство, охота, домашние производства, включая керамическое, косторезное, а также скромное бронзолитейное), которую я назвал юртоборской (с исетским, карагай-аульским и вак-куровским этапами), по всем параметрам резко отличалась от замкнутого общества иткульских металлургов горно-лесного Зауралья VII–III/II вв. до н.э. (Борзунов, 2019. С. 140–142).

Южнее юртоборских укреплений в Притоболье были распространены баитовские (VII–IV вв. до н.э.) и гороховские (VI/V–II вв. до н.э.). Первые – круглого и овального плана, вторые – подовального с “ломаной” линией фортификаций. Защитные стены у них были бревенчатые, типа заплота, и, возможно, частокольные, дополненные внешним рвом.

К кольцевым притобольским баитовским относятся городища Баитовское-Чудаки, Большой Имбиряй 3, Бочанецкое, Боровушка 2, с меньшей вероятностью – Нижне-Суварышское I, Слободо-Бешкильское, Коркинское, Увал 1–5, Камышное I (Романовское), Осеево V, Устюг 2, Сосновка 3, Луговое 1 и 3 (рис. 1, 63–74;

6, А, В, Г) (Цембалюк, 2017. С. 17–24, 29–31, 47–50. Рис. 10; 45; 60; 67; 72; 84; 113; 129; 140; 142).

Два овальные городища с расстановкой жилищ по кругу открыты в лесостепном Приишимье: Лихачевское (Ерзовка) и Марай 4. Одни исследователи относят их к баитовским древностям, наследующим бархатовские, другие – к лихачевским, сложившимся на основе комплексов журавлевского (раннебогочановского) типа. На первом памятнике остатки жилых построек со слабо углубленными полами представлены под трапециевидными котлованами, частично окруженными канавками. На втором укреплении зафиксированы руины наземных слабо углубленных и неуглубленных строений в виде малых круглых впадин и больших округло-овальных приподнятых площадок, оконтуренных ямами-карьерями (Илюшина и др., 2019. С. 29–35, 43. Рис. 1–3) (рис. 1, 75; 94; 6, Б, Д, Е).

Характерной чертой гороховских фортификаций являлось наличие башен, бастионов, предгородий, предвратных сооружений и укрепленных входов (городища Гороховское-Чудаки, Мало-Казахбаевское, Нижне-Суварышское V, Ильтяковское, Юлдус 1, Мурзинское) (рис. 1, 76–81; 7) (Сальников, 1947; Стоянов, 1989. С. 98, 99; Очерки культурогенеза..., 1994. С. 238–242. Рис. 12, 25; 13, 2, 3; Борзунов, 2002. С. 80–95. Рис. 2, 9, 10, 12, 14, 19; 6; 7; Матвеева, 2000. Рис. 30, 2, 4; 31; 32, 3).

В тайге Сургутского и Нижнего Приобья открыты поселки начала железного века с фортификациями овального плана. К ним относятся городища Барсов городок III/1, III/7, Ермаково IV местной белоярской культуры VII–IV вв. до н.э. (рис. 1, 57, 58, 62; 7, 1–3), а также Барсов городок I/9, III/2 и Нумто II пришлого с юга населения, создавшего калинкинскую культуру VI–IV вв. до н.э. (рис. 1, 59–61; 7, 4, 7). Их руины выражены на поверхности в виде низких песчаных валов с мелкими напольными ровиками либо двух валов и канавы между ними. Возможно, планиграфия таких оборонительных линий была заимствована у населения Нижнего Притоболья. Жилища “северного типа” размещались на городищенских площадках очень плотно, без видимой системы, что характерно для поселков таежных охотников-рыболовов (Чемякин, Зыков, 2004. С. 19, 47, 49, 51. Рис. 4; 23; 24; 29; Чемякин, 2008. С. 67, 74, 75. Рис. 46; 61, 6).

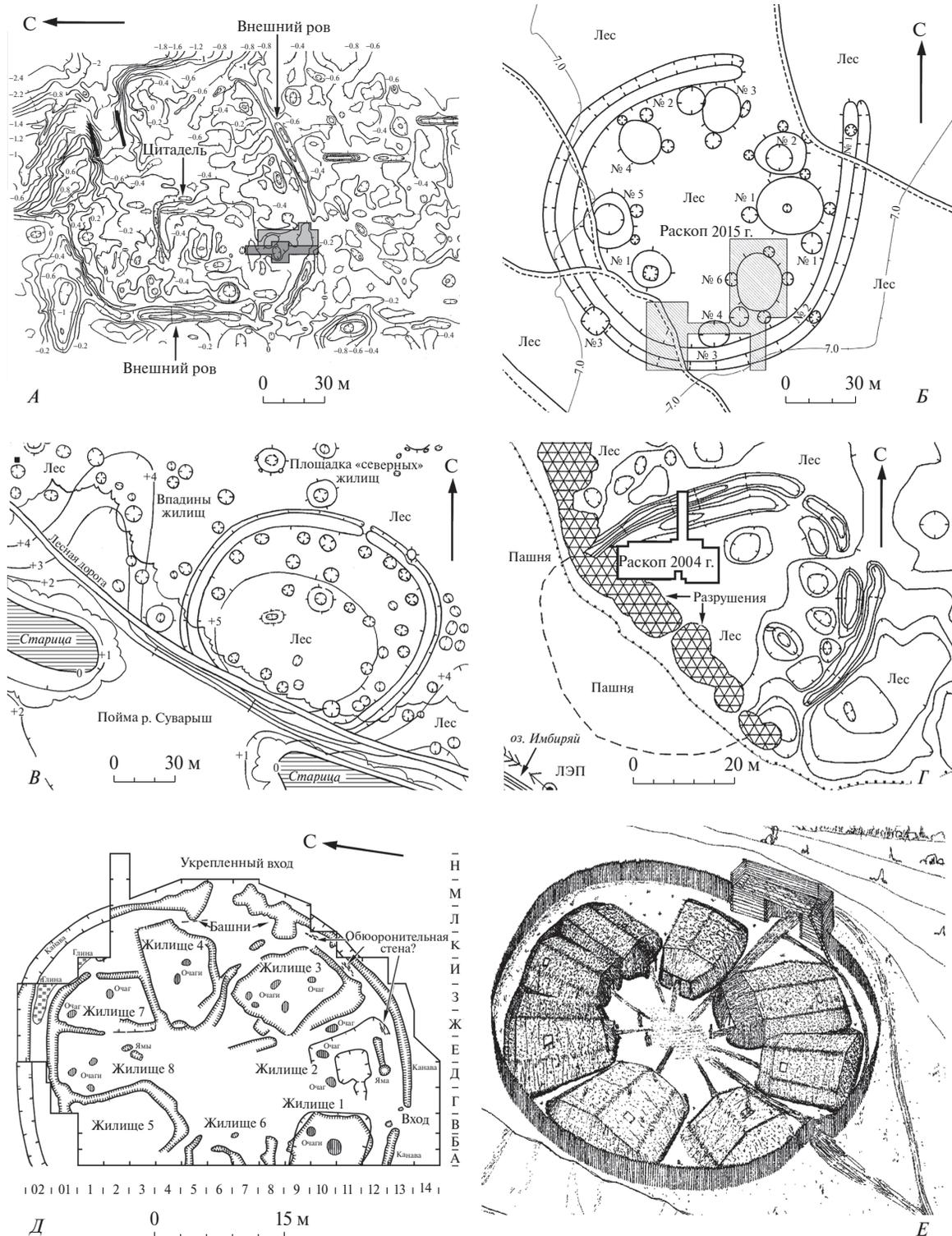

Рис. 6. Кольцевые городища баитовской культуры раннего железного века: Баитовское (Чудаки)* (А), Марай 4 (Б), Нижне-Суварышское I (В), Большой Имбиряй 3* (Г), Лихачевское (Ерзовка)* (Д, Е). Раскопки Л.Н. Коряковой и др. 1995–1996 гг., съемки Л. Лангвета 1996 г. (А). Разведка С.Н. Скочиной 2014 г.; раскопки и съемки В.В. Илюшина, В.А. Заха и др. 2015 г. (Б). Разведка А.А. Ковригина и др. 1992 г. (В). Раскопки и съемки Н.П. Матвеевой 2004 г. (Г), В.Ф. Генинга, В.Е. Стоянова, Г.Б. Здановича 1964 г.; В.Ф. Генинга 1966 г. (Д). Реконструкция С.И. Цембалюк, С.В. Берлиной 2014 г. (Е).

Fig. 6. Ring fortified settlements of the Early Iron Age Baitovo culture: Baitovo (Chudaki) (A), Maray 4 (B), Nizhne-Suvaryskoye I (B), Bolshoy Imbiray 3 (G), Likhachevskoye (Erzovka) (D, E)

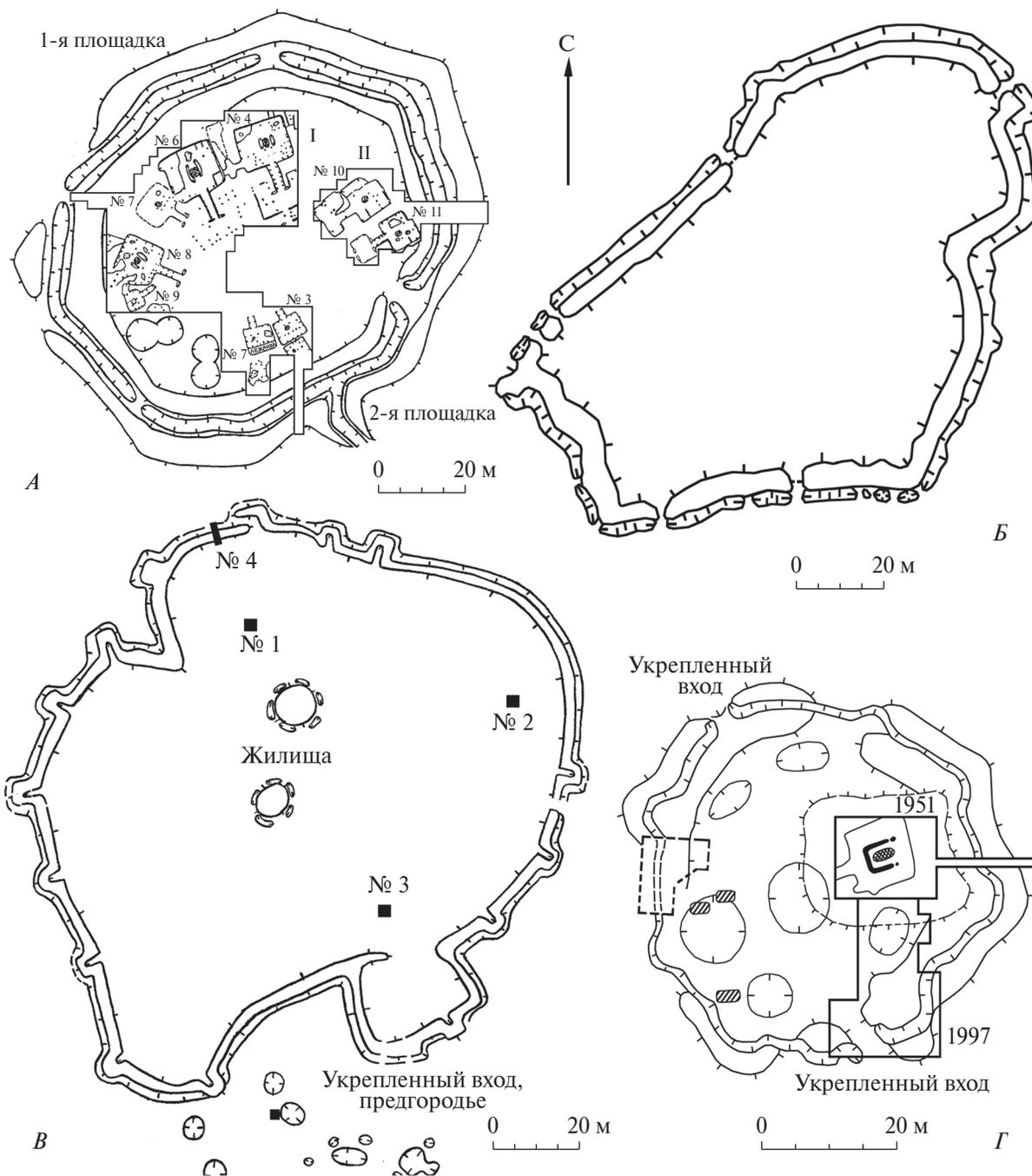

Рис. 7. Кольцевые городища гороховской культуры раннего железного века: Гороховское (Чудаки)* (А), Илтыяковское (Б), Нижне-Суварышское IV (В), Мало-Казахбаевское* (Г). Раскопки и съемки К.В. Сальникова 1937–1939, 1949 гг., Г.В. Бельтиковой, В.Е. Стоянова 1975–1977 гг. (А); К.В. Сальникова 1951 г., А.В. и М.Г. Епи-
 маховых 1997 г. (Г). Разведки и съемки К.В. Сальникова и др. 1958 г., Н.Б. Виноградова 1986 г. (Б), В.А. Борзунова, А.А. Ковригина 1992 г. (В).

Fig. 7. Ring fortified settlements of the Gorokhovo Early Iron Age culture: Gorokhovo (Chudaki) (A), Iltyakovo (B), Nizhne-Suvaryshskoye IV (B), Maly Kazakhbay (Г)

Пятый этап: вторая половина раннего железного века. Овально-кольцевые городища с постройками северного типа сохранялись в тайге в сургутском и нижнеобском вариантах кулайской культурно-исторической общности (Барсов Городок I/6, III/5, Кучиминское XV, Соровское XXXIV, Нумто III) (рис. 1, 82–86; 8, I–4) (Очерки культурогенеза..., 1994. Рис. 26, 4; 5;

Борзунов, 2002. Рис. 3, 32, 37, 48; Чемякин, Зыков, 2004. С. 17, 50. Рис. 3; 27; Чемякин, 2008. Рис. 69, 4).

В Барнаульском Приобье открыты овально-го плана кулайские укрепления на оконечностях мысов (Городище 3, 8, Малый Иткуль 4) и в глубине террасы (Городище 7) (рис. 1, 87–90; 8, 6, 7) (Очерки культуургенеза..., 1994. Рис. 21).

В Среднем Прииртышье скотоводами саргатской культуры начали возводиться обширные селища и городища с цитаделями округло-овального плана: Батаково VI (Инберень IV), Батаково XIX, Кушайлы (рис. 1, 91–93; 8, 8, 9, 9a) (Погодин Л., 1977; Корякова, Стефанов, 1981). Предполагается, что цитадели, “малые крепости”, были предназначены для элиты общества, тогда как в “посадах” проживало население более низких рангов.

Кольцевые городища являлись идеальным типом укреплений для равнинных участков степей, лесостепей и тайги. Основная “нагрузка” по защите таких поселков приходилась не на естественную укрепленность, а на замкнутые оборонительные системы.

Разных вариантов круглоплановые поселения появились на севере Евразии в неодинаковой природной, этнокультурной и социальной среде.

Их генезис и развитие происходили как независимо друга от друга, так и в условиях наследования традиций “градостроительства” следующими поколениями, а также в процессе заимствования кольцевых систем окружающими чужеродными коллективами.

Первые “крепости” появились в таежном Приобье в раннем неолите (VII/VI тыс. до н.э.), в ходе массового заселения лесных пространств Зауралья и Западной Сибири в период климатического оптимума. В это время среднегодовые температуры были выше современных, а северная граница тайги доходила до середины Ямала (Кардаш и др., 2020. С. 104; Борзунов, 2020б. С. 305–312, 345–347).

Авторы раскопок самого древнего круглопланового таежного памятника Каюково 2 интерпретировали его как городище (Ивасько, Кардаш, 2002), но впоследствии определили культово-ритуальным объектом, преднамеренно сожженным его обитателями. Строителями этого сложного, “похожего на лабиринт”,

архитектурного комплекса были объявлены выходцы из среды протоиндоевропейских древнеземледельческих обществ, которые якобы мигрировали в сибирскую тайгу из Юго-Восточной Европы и даже Передней Азии (Ивасько, 2002; 2008; Кардаш и др., 2020. С. 120).

Тем не менее на данном и других памятниках Западной Сибири не найдено керамики с расписным (крашеным) декором, характерной для обществ юга Евразии. Укрепление Каюково 2 было явно жилое и долговременное. Оно, как и другие синхронные таежные поселки, основано охотниками-рыболовами-собирающими, не занимавшимися ни скотоводством, ни земледелием. Это население мигрировало в Приобье из ближайших, подвергшихся сильной засухе территорий юга Западной Сибири, Урала, Северного Казахстана, Поволжья и Прикаспия. Переселенцы принесли с собой на север навыки изготовления плоскодонной и круглодонной глиняной посуды, украшенной отступающе-накольчатными, волнисто-прочерченными и гребенчато-ямочными узорами.

В начале эпохи бронзы городища в тайге исчезли, уступив место второму варианту укрепленных жилищ (Борзунов, 1999; 2015; 2020б).

Строительство укреплений в тайге способствовало закреплению за самыми сильными коллективами наиболее богатых охотничье-рыболовческих угодий. Такие стационарные поселки были хозяйственно-производственными, социальными и, возможно, культовыми центрами общин.

Появление укрепленных центров в конце III – начале II тыс. до н.э. в евразийских степях, между реками Тобол и Урал, было обусловлено, скорее всего, “западным импульсом”, т.е. продвижением на восток скотоводческих племен из юго-востока Европы. Первобытные “крепости” способствовали разделу и закреплению за отдельными коллективами территорий с постоянными источниками воды, обширными пастбищами, ленточными борами, откуда брался материал для строительства и отопления жилищ, а также с месторождениями медных руд и качественного камня. Очередная аридизация евразийских степей, а также активное воздействие на синташтинскую культуру лесостепных петровских племен, отразились и на архитектуре поселков. Круглоплановые укрепления

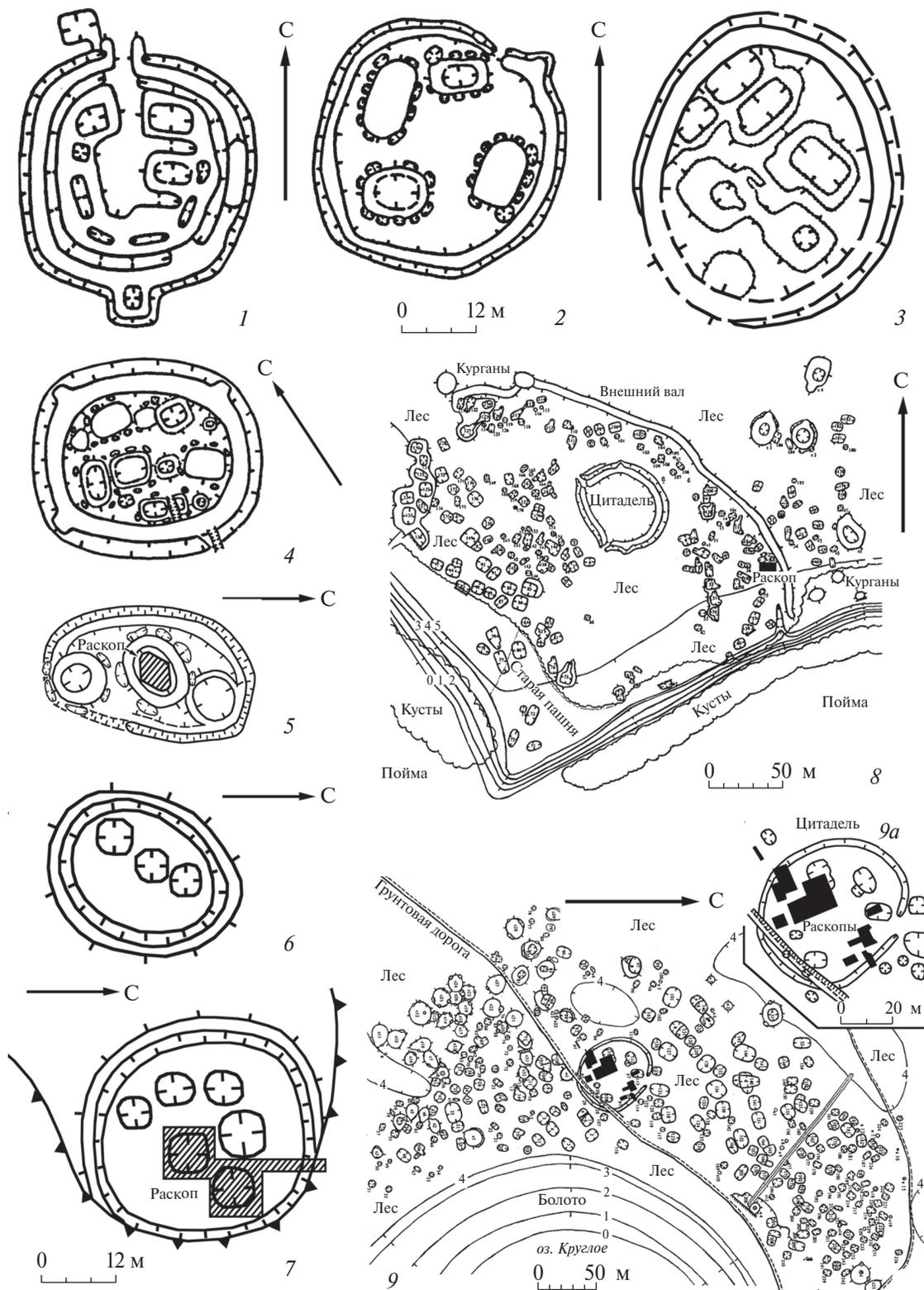

Рис. 8. Кольцевые городища кулайской (1–7) и саргатской (8, 9, 9a) культур раннего железного века: 1 – Сорровское XXXIV; 2 – Кучиминское XV; 3 – Барсов Городок I/6*; 4 – Нумто III; 5 – Барсов городок III/5; 6 – Городище 7; 7 – Сошниково I; 8 – Батаково XIX*; 9 – Батаково VI (Инберень IV)*; 9a – Батаково VI, цитадель* (1, 2, 4 – по Борзунов, 2002. Рис. 3, 32, 37, 48; 3, 5–7 – по Очерки культуругенеза..., 1994. Рис. 26, 4, 5; 21, 4, 5). 8, 9, 9a – раскопки и съемка Л.И. Погодина 1996, 1997 гг.

Fig. 8. Ring fortified settlements of the Early Iron Age Kulayka (1–7) and Sargat (8, 9, 9a) cultures

сменились прямоугольными, а в XVII–XVI вв. до н.э. такие “городки” оказались “избыточными” и исчезли вообще (История Южного Урала..., 2019. С. 91, 283).

Вероятно, под влиянием синташтинского “градостроительства” в Нижнем Притоболье в начале эпохи бронзы формируются круглоплановые поселки ташковской культуры.

Новый всплеск строительства круглоплановых укреплений связан с рубежом бронзы и железа, а также ранним железным веком.

Исследователи круглоплановых городищ IX/VIII–VI вв. до н.э. Нижнего Притоболья предполагали опосредованное воздействие на генезис таких поселков домостроительства носителей ташковской культуры (Зими́на, 2005). Я не исключаю “возрождения” древней строительной традиции именно на данной территории, но не представляю механизмы этого процесса. Судя по наземным и полуземляночным жилищам “северного типа”, в создании этих укреплений, которые я отношу к юртоборской культуре, помимо наследников местных бархатовских племен, принимали активное участие мигранты из таежных областей Конды, Обь-Иртышского междуречья и Сургутского Приобья (Борзунов, 2019). Сдвиг последних на юг был обусловлен резким похолоданием и увлажнением климата в начале I тыс. до н.э.

В период раннего железа круглоплановые укрепления путем наследования, культурного взаимодействия, заимствования и миграций лесного населения распространились по всему Нижнему Притоболью, а также в ряде областей лесного Приобья и лесостепного Ишимо-Иртышья.

Как полагают уральские и сибирские археологи, на планиграфию и бастионно-башенную оборонную архитектуру городищ гороховской, саргатской и кулайской культур оказало влияние фортификационное зодчество саков Приаралья (кюзели-гырская, чирик-рабатская культуры, Хорезм). Причиной этого были разнообразные тесные связи населения Средней Азии и Западной Сибири (Стоянов, 1989. С. 99; Матвеева 1997; 2000. С. 111; Борзунов, 2002).

Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ, тема № FEUZ-2023-0018.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бадер О.Н.* Новый тип неолитического поселения на Урале // Советская этнография. 1949. № 2. С. 144–150.
- Балабина В.И.* Сескля // Большая Российская энциклопедия: в 35 т. Т. 30. Сен-Жерменский мир 1679 – Социальное обеспечение. М.: Рос. энцикл., 2015. С. 107.
- Борзунов В.А.* Новый ареал укрепленных жилищ на севере Евразии // Российская археология. 1999. № 4. С. 5–23.
- Борзунов В.А.* Городища с бастионно-башенными фортификациями раннего железного века в лесном Зауралье // Российская археология. 2002. № 3. С. 79–97.
- Борзунов В.А.* Неолитические укрепленные поселения Западной Сибири и Зауралья // Российская археология. 2013. № 4. С. 20–34.
- Борзунов В.А.* Укрепленные поселения первой половины эпохи бронзы севера Западной Сибири // Stratum plus. 2015. № 2. С. 295–315.
- Борзунов В.А.* Укрепленные поселения энеолита таежного Приобья // Российская археология. 2016. № 3. С. 34–44.
- Борзунов В.А.* О культурной принадлежности иткульских и гамаюно-иткульских древностей Зауралья // Российская археология. 2019. № 3. С. 131–146.
- Борзунов В.А.* Миграции и укрепленные поселения на юге Западной Сибири в первой половине эпохи бронзы // Stratum plus. 2020а. № 2. С. 359–408.
- Борзунов В.А.* Древние укрепления лесной полосы Урала и Западной Сибири. Т. 1. Неолит и энеолит. Екатеринбург: Уральский ун-т, 2020б. 576 с.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.* Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей: в 2 ч. Ч. 1. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1992. 408 с.
- Григорьев С.А.* Древние индоевропейцы. Челябинск: Цицеро, 2015. 496 с.
- Дегтярева А.Д., Ковалева В.Т., Кузьминых С.В.* Особенности цветной металлообработки племен ташковской культуры Нижнего Притоболья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 3 (26). С. 14–24.
- Епимахов А.В.* Абсолютная и относительная хронология бронзового века Урала в свете новых радиоуглеродных дат // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии / Под ред. Ю.Ф. Кирюшина, А.А. Тишкина. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2004. С. 204–208.
- Зданович Г.Б., Батанина И.М.* Страна городов: Пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований). Челябинск: Крокус, 2007. 260 с.
- Зданович Г.Б., Малютина Т.С.* Укрепленное поселение Аландское. Строительные горизонты и керамические комплексы (к проблеме взаимосвязи

- синташтинско-аркаимской и петровской культур) // Этнические взаимодействия на Южном Урале / Ред. А.Д. Таиров и др. Челябинск: Рифей, 2004. С. 56–61.
- Зданович Г.Б., Малютина Т.С., Зданович Д.Г.* Аркаим. Археология укрепленных поселений. Кн. 1. Жилища и жилое пространство. Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 2020. 450 с.
- Зими́на О.Ю.* Аналогии кольцевым городищам Тюменского Притоболья в системе памятников с круговой планировкой Урало-Сибирского региона // АВ ОВО: Проблемы генезиса культуры / Отв. ред. А.Г. Еманов. Тюмень: Тюменский гос. ун-т, 2005. С. 71–84.
- Зими́на О.Ю., Зах В.А.* Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.
- Ивасько Л.В.* О каюковской археологической культуре // Барсова Гора: Древности таежного Приобья / Отв. ред. А.Я. Труфанов. Екатеринбург; Сургут: Уральское кн. изд-во, 2008. С. 112–122.
- Ивасько Л.В.* Раскопки укрепленного поселения каменного века Каюково II // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 1. Томск; Ханты-Мансийск: Томский гос. ун-т, 2003. С. 228–229.
- Ивасько Л.В.* Укрепленное поселение каменного века Каюково 2 // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири / Отв. ред. А.Я. Труфанов. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2002. С. 7–25.
- Ивасько Л., Кардаш О.* По следам огня. Открытие нового городища каменного века // Родина. 2002. Спец. вып. С. 40–42.
- Илюшина В.В., Зах В.А., Еньшин Д.Н., Тигеева Е.В., Кисагулов А.В.* Комплекс укрепленного поселения Марай 4 начала раннего железного века лесостепного Приишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 3 (46). С. 29–47.
- История Южного Урала: в 8 т. Т. 2. Южный Урал в начале эпохи металлов. Бронзовый век / Науч. ред. А.В. Епимахов. Челябинск: Южно-Уральский гос. ун-т, 2019. 432 с.
- Кардаш О.В., Чаиркина Н.М., Дубовцева Е.Н., Пищонка Х.* Новые исследования городища раннего неолита Каюково-2 на севере Западной Сибири // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 7. С. 109–124.
- Ковалева В.Т.* Ташковская культура раннего бронзового века Нижнего Притоболья // Вопросы археологии Урала. Вып. 19. Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1988. С. 29–47.
- Ковалева В.Т.* Генезис, датировка и этническая специфика ташковской культуры // Археология Урала и Западной Сибири / Отв. ред. В.А. Борзунов. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 2005. С. 102–109.
- Ковалева В.Т., Рыжкова О.В., Шаманаев А.В.* Ташковская культура: поселение Андреевское озеро XIII. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 2000. 160 с.
- Корякова Л.Н., Стефанов В.И.* Городище Инберень IV на Иртыше // Советская археология. 1981. № 2. С. 178–195.
- Косинцев П.А.* Хозяйство ташковской культуры // XIV Уральское археологическое совещание: тез. докл. / Отв. ред. С.А. Григорьев. Челябинск: Рифей, 1999. С. 82–83.
- Макурова М.Р., Петров Ф.Н.* Аркаим — “Страна городов”: путеводитель по “бронзовому кольцу России”. Челябинск: Абрис, 2017. 55 с.
- Малютина Т.С., Зданович Г.Б.* Могильник Кизильский I: у истоков строительства аркаимских крепостей // Этнические взаимодействия на Южном Урале / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Рифей, 2013. С. 51–64.
- Матвеева Н.П.* Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). Новосибирск: Наука, 2000. 339 с.
- Матвеева Н.П.* О торговых связях Западной Сибири и Центральной Азии в раннем железном веке // Российская археология. 1997. № 2. С. 63–77.
- Мерперт Н.Я.* О планировке поселков раннего бронзового века в Верхнефракийской долине (Южная Болгария) // Российская археология. 1995. № 3. С. 28–46.
- Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В.* Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История и филология. 2014. Т. 13, вып. 3. С. 136–167.
- Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Поселения и жилища. Кн. I / Отв. ред. Н.В. Лукина. Томск: Томский гос. ун-т, 1994. 286 с.
- Погодин А.А.* Поселение Большая Умытъя 9: результаты полевых исследований 2007–2008 гг. в Советском районе ХМАО – Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 8 / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Ханты-Мансийск; Томск: Томский ун-т, 2010. С. 146–183.
- Погодин Л.И.* Исследования в Омской области // Археологические исследования 1996 г. М.: Наука, 1977. С. 344–346.
- Сальников К.В.* Городище “Чудаки” Челябинской области: по раскопкам 1937 года // Советская археология. 1947. Вып. IX. С. 221–238.
- Сергеев А.С.* Поселение Заводоуковское X – новый памятник бархатовской культуры лесостепного Притоболья // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях / Ред. М.Ф. Обыденнов, Н.А. Мажитов, В.С. Горбунов. Уфа: Башкирский гос. ун-т, 1991. С. 55–58.

- Солдаткин Н.В. Жилая архитектура укрепленных поселений синташтинско-петровского типа: обзор источников // Научный диалог. 2018. № 1. С. 209–220.
- Стоянов В.Е. Хозяйство и социальные отношения населения лесостепи и степи // История Урала с древнейших времен до 1861 г. М.: Наука, 1989. С. 99–103.
- Таиров А.Д. Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н.э.: Материалы к историческим реконструкциям. Челябинск: Рифей, 2003. 68 с.
- Цембалюк С.И. Байтовская культура начала раннего железного века в лесостепном и подтаежном Приоболье: дис. ... канд. ист. наук. Т. 2. Тюмень, 2017. 349 с.
- Чечушков И.В., Дакович Г., Якимов А.С. Архитектурно-планировочные решения синташтинско-петровских поселений и проблема военного дела эпохи бронзы // Российская археология. 2018. № 3. С. 75–92.
- Чемьякин Ю.П. Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008. 224 с.
- Чемьякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора: археологическая карта. Сургут; Омск: Омский дом печати, 2004. 208 с.
- Nikolov V. The Chalcolithic Stone Fortress of Provadia-Solnitsata // Культурные взаимодействия, динамика и смыслы. Kishinev: Stratum plus, 2016. С. 169–174.

CIRCULAR SETTLEMENTS OF THE TRANS-URALS AND WESTERN SIBERIA FROM THE NEOLITHIC TO THE EARLY IRON AGE

Viktor A. Borzunov

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia
E-mail: victor.borzunov@mail.ru

Circular in plan fortified settlements, or ring settlements, were an ideal type of lowland fortifications. One of their prototypes is unfortified settlements with a closed layout of dwellings in a circle and an oval. In the north of Eurasia, ring fortifications emerged in the Neolithic (6th–4th millennia BC), in the fisher-hunter-gatherers' communities in the taiga area of the Ob' River Basin and the mountain-forest Trans-Urals, during the mass settlement of these territories in the context of global warming. In the Bronze Age (late 3rd – early 1st millennium BC), such fortified settlements, as well as promontory and riverside fortified settlements, disappeared in the taiga giving way to large earth-timber fortified dwellings. At the beginning of the Bronze Age, during the next xerotherm, in the steppes of the Trans-Urals, pastoralists who migrated from South-Eastern Europe erected circular fortresses (the Sintashta culture of the 21st–18th centuries BC). Probably, the construction of circular in plan unfortified settlements of the Tashkovo culture in the forests of the Lower Tobol region in the 21st/20th – 16th centuries BC was influenced by the steppe defensive architecture. The earliest taiga fortified settlements were developing independently of the forest-steppe and steppe settlements. The former and the latter alike were economic, industrial, social and, possibly, cult centres of communities. A new mass distribution of ring settlements in the forest-steppe area of the Tobol-Irtysh region, and later in the taiga area of the Surgut and Lower Ob' River region, took place at the end of the Bronze Age and the beginning of the Iron Age (8th/7th centuries BC – 3rd/4th centuries AD). In the 6th/5th centuries BC – 3rd/4th centuries AD, the defensive systems of some West Siberian fortifications were supplemented with bastion-tower elements borrowed from the Saka people of the Aral Sea region.

Keywords: the Trans-Urals, Western Siberia, the Neolithic, the Bronze Age, the Early Iron Age, fortified and unfortified circular in plan settlements.

REFERENCES

- Bader O.N., 1949. A new type of Neolithic settlement in the Urals. *Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography]*, 2, pp. 144–150. (In Russ.)
- Balabina V.I., 2015. Sesklo. *Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya [Great Russian Encyclopedia]*, 30. *Sen-Zhermenskiy mir 1679 – Sotsial'noe obespechenie [Peace of Saint-Germain 1679 – Social Security]*. Moscow: Rossiyskaya entsiklopediya, p. 107. (In Russ.)
- Borzunov V.A., 1999. Something new of the geographical distribution of fortified dwellings in North Eurasia. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 4, pp. 5–23. (In Russ.)
- Borzunov V.A., 2002. The Early Iron Age hillforts with bastion-tower fortification in the North Eurasia.

- Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 3, pp. 79–97. (In Russ.)
- Borzunov V.A., 2013. Fortified Neolithic settlements of the Trans-Urals and Western Siberia. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 4, pp. 20–34. (In Russ.)
- Borzunov V.A., 2015. Fortified Settlements of the First Half of the Bronze Age in the North of Western Siberia. *Stratum plus*, 2, pp. 295–315. (In Russ.)
- Borzunov V.A., 2016. Fortified Eneolithic settlements in the taiga zone of the Ob river valley. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 3, pp. 34–44. (In Russ.)
- Borzunov V.A., 2019. On the cultural attribution of the Itkul and Gamayun-Itkul antiquities of the Trans-Urals. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 3, pp. 131–146. (In Russ.)
- Borzunov V.A., 2020a. Migrations and Fortified Settlements in the South of Western Siberia in the First Half of the Bronze Age. *Stratum plus*, 2, pp. 359–408. (In Russ.)
- Borzunov V.A., 2020b. Drevnie ukrepleniya lesnoy polosy Urala i Zapadnoy Sibiri [Ancient fortifications of the forest strip of the Urals and Western Siberia], 1. Neolit i eneolit [Neolithic and Eneolithic]. Ekaterinburg: Ural'skiy universitet. 576 p.
- Chechushkov I.V., Dakovich G., Yakimov A.S., 2018. Architectural and planning design of the Sintashta-Petrovka settlements and the issue of the Bronze Age warfare. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 3, pp. 75–92. (In Russ.)
- Chemyakin Yu.P., 2008. Barsova Gora: Ocherki arkheologii Surgutskogo Priob'ya. Drevnost' [Barsova Gora: Studies in the archaeology of the Surgut Ob' River region. Antiquity]. Surgut; Omsk: Omskiy dom pečhati. 224 p.
- Chemyakin Yu.P., Zykov A.P., 2004. Barsova Gora: arkheologicheskaya karta [Barsova Gora: An archaeological map]. Surgut; Omsk: Omskiy dom pečhati. 208 p.
- Degtyareva A.D., Kovaleva V.T., Kuz'minykh S.V., 2014. Features of non-ferrous metalworking of the Tashkovo culture tribes of the Lower Tobol River region. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii]*, 3 (26), pp. 14–24. (In Russ.)
- Epimakhov A.V., 2004. Absolute and relative chronology of the Bronze Age of the Urals in the light of new radiocarbon dates. *Kompleksnye issledovaniya drevnikh i traditsionnykh obshchestv Evrazii [Comprehensive studies of ancient and traditional societies of Eurasia]*. Yu.F. Kiryushin, A.A. Tishkin, eds. Barnaul: Altayskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 204–208. (In Russ.)
- Gening V.F., Zdanovich G.B., Gening V.V. Sintashta: Arkheologicheskie pamyatniki ariyskikh plemen Uralo-Kazakhstanskikh stepey [Sintashta: Archaeological sites of the Aryan tribes of the Ural-Kazakh steppes], 1. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1992. 408 p.
- Grigor'ev S.A., 2015. Drevnie indoevropytsy [Ancient Indo-Europeans]. Chelyabinsk: Tsitsero. 496 p.
- Ilyushina V.V., Zakh V.A., En'shin D.N., Tigeeva E.V., Kisa-gulov A.V., 2019. The complex of the fortified settlement of Maray 4 of the beginning of the Early Iron Age in the forest-steppe area of the Ishim River region. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii]*, 3 (46), pp. 29–47. (In Russ.)
- Istoriya Yuzhnogo Urala [History of the Southern Urals], 2. Yuzhnyy Ural v nachale epokhi metallov. Bronzovyy vek [Southern Urals at the beginning of the Metals Age. Bronze Age]. A.V. Epimakhov, ed. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, 2019. 432 p.
- Ivas'ko L.V., 2002. The Stone Age fortified settlement of Kayukovo 2. *Materialy i issledovaniya po istorii Severo-Zapadnoy Sibiri [Materials and research on the history of North-Western Siberia]*. A.Ya. Trufanov, ed. Ekaterinburg: Ural'skiy rabochiy, pp. 7–25. (In Russ.)
- Ivas'ko L.V., 2003. Excavations in the Stone Age fortified settlement of Kayukovo II. *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo [Khanty-Mansi Autonomous District in the mirror of the past]*, 1. Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 228–229. (In Russ.)
- Ivas'ko L.V., 2008. On the Kayukovo archaeological culture. *Barsova Gora: Drevnosti taezhnogo Priob'ya [Barsova Gora: Antiquities of the taiga area of the Ob River region]*. A.Ya. Trufanov, ed. Ekaterinburg; Surgut: Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 112–122. (In Russ.)
- Ivas'ko L., Kardash O., 2002. In the wake of fire. Discovery of a new Stone Age settlement. *Rodina [Motherland]*, spec. iss., pp. 40–42. (In Russ.)
- Kardash O.V., Chairkina N.M., Dubovtseva E.N., Pietsonka Kh., 2020. New studies in the Early Neolithic fortified settlement of Kayukovo-2 in the north of Western Siberia. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]*, vol. 19, no. 7, pp. 109–124. (In Russ.)
- Koryakova L.N., Stefanov V.I., 1981. The fortified settlement of Inberen IV on the Irtysh River. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology]*, 2, pp. 178–195. (In Russ.)
- Kosintsev P.A., 1999. The economy of the Tashkovo culture. *XIV Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie: tezisy dokladov [XIV Ural archaeological session. Abstracts]*. S.A. Grigor'ev, ed. Chelyabinsk: Rifev, pp. 82–83. (In Russ.)
- Kovaleva V.T., 1988. The Tashkovo culture of the Early Bronze Age of the Lower Tobol River region. *Voprosy arkheologii Urala [Issues of the Ural archaeology]*, 19. *Material'naya kul'tura drevnego naseleniya Urala i Zapadnoy Sibiri [Problems of Ural and Siberian archaeology]*. Sverdlovsk: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 29–47. (In Russ.)
- Kovaleva V.T., 2005. Genesis, dating and ethnic peculiarities of the Tashkovo culture. *Arkheologiya Urala i Zapadnoy Sibiri [Archaeology of the Urals and Western Siberia]*. V.A. Borzunov, ed. Ekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 102–109. (In Russ.)

- Kovaleva V.T., Ryzhkova O.V., Shamanaev A.V., 2000. Tashkovskaya kul'tura: poselenie Andreevskoe ozero XIII [The Tashkovo culture: settlement of Andreevskoye Ozero XIII]. Ekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet. 160 p.
- Makurova M.R., Petrov F.N., 2017. Arkaim – “Strana gorodov”: putevoditel' po “bronzovomu kol'tsu Rossii” [Arkaim – the “Land of Towns”. Guide to the “Bronze Ring of Russia”]. Chelyabinsk: Abris. 55 p.
- Malyutina T.S., Zdanovich G.B., 2013. The Kizil 1 burial ground: at the origins of the Arkaim fortresses construction. *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale [Ethnic interactions in the Southern Urals]*. A.D. Tairov, ed. Chelyabinsk: Rifev, pp. 51–64. (In Russ.)
- Matveeva N.P., 1997. Trade contacts between Western Siberia and Central Asia in the Early Iron Age. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 2, pp. 63–77. (In Russ.)
- Matveeva N.P., 2000. Sotsial'no-ekonomicheskie struktury naseleniya Zapadnoy Sibiri v rannem zheleznom veke (lesostepnaya i podtaezhnaya zony) [Social and economic structures of the population of Western Siberia in the Early Iron Age (forest-steppe and subtaiga areas)]. Novosibirsk: Nauka. 339 p.
- Merpert N.Ya., 1995. Concerning the planning of the Early Bronze Age settlements of the Upper Thracian Valley (Southern Bulgaria). *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 3, pp. 28–46. (In Russ.)
- Molodin V.I., Epimakhov A.V., Marchenko Zh.V., 2014. Radiocarbon chronology of Bronze Age Ural and South-Western Siberia cultures: Principles and approaches, achievements and problems. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya [Bulletin of Novosibirsk State University. History and Philology]*, vol. 13, iss. 3, pp. 136–167. (In Russ.)
- Nikolov V., 2016. The Chalcolithic Stone Fortress of Provardia-Solnitsata. *Kul'turnye vzaimodeystviya, dinamika i smysly [Cultural interactions, Dynamics and meanings]*. Kishinev: Stratum plus, pp. 169–174.
- Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri [Studies in the cultural genesis of the peoples of Western Siberia], 1. Poseleniya i zhilishcha [Settlements and dwellings], 1. N.V. Lukina, ed. Tomsk: Tomskiy gosudarstvennyy universitet, 1994. 286 p.
- Pogodin A.A., 2010. The settlement of Bolshaya Umytya 9: results of field research in 2007–2008 in Sovetsky district of Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra. *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo [Khanty-Mansi Autonomous District in the mirror of the past]*, 8. Ya.A. Yakovlev, ed. Khanty-Mansiysk; Tomsk: Tomskiy universitet, pp. 146–183. (In Russ.)
- Pogodin L.I., 1977. Research in Omsk Region. *Arkheologicheskie issledovaniya 1996 g. [Archaeological Research of 1996]*. Moscow: Nauka, pp. 344–346. (In Russ.)
- Sal'nikov K.V., 1947. The fortified settlement of “Chudaki” in Chelyabinsk Region: according to excavations in 1937. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology]*, IX, pp. 221–238. (In Russ.)
- Sergeev A.S., 1991. The settlement of Zavodoukovsk X – a new Barkhatovo site in the forest-steppe Tobol River region. *Problemy pozdney bronzy i perekhoda k epokhe zheleza na Urale i sopedel'nykh territoriyakh [Problems of the Late Bronze Age and the transition to the Iron Age in the Urals and adjacent territories]*. M.F. Obydenov, N.A. Mazhitov, V.S. Gorbunov, eds. Ufa: Bashkirskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 55–58. (In Russ.)
- Soldatkin N.V., 2018. Residential architecture of the fortified settlements of the Sintashta-Petrovka type: a review of sources. *Nauchnyy dialog [Scientific dialogue]*, 1, pp. 209–220. (In Russ.)
- Stoyanov V.E., 1989. Economy and social relations of the forest-steppe and steppe population. *Istoriya Urala s drevneyshikh vremen do 1861 g. [History of the Urals from ancient times to 1861]*. Moscow: Nauka, pp. 99–103. (In Russ.)
- Tairov A.D., 2003. Izmeneniya klimata stepey i lesostepey Tsentral'noy Evrazii vo II – I tys. do n.e.: Materialy k istoricheskim rekonstruktsiyam [Changes in the climate of the steppes and forest-steppes of Central Eurasia in the 2nd – 1st millennium BC: Materials for historical reconstructions]. Chelyabinsk: Rifev. 68 p.
- Tsembalyuk S.I., 2017. Baitovskaya kul'tura nachala rannego zheleznoogo veke v lesostepnom i podtaezhnom Pritobol'e: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [The Baitovo culture of the initial phase of the Early Iron Age in the forest-steppe and taiga Tobol River region: the Doctoral thesis for a degree in History], 2. Tyumen'. 349 p.
- Zdanovich G.B., Batanina I.M., 2007. Strana gorodov: Prostranstvo i obrazy (Arkaim: gorizonty issledovaniy) [Land of Towns: Space and images (Arkaim: research horizons)]. Chelyabinsk: Krokus. 260 p.
- Zdanovich G.B., Malyutina T.S., 2004. The fortified settlement of Alandskoye. Building horizons and pottery complexes (On the problem of the relationship between the Sintashta-Arkaim and Petrovka cultures). *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale [Ethnic interactions in the Southern Urals]*. A.D. Tairov, ed. Chelyabinsk: Rifev, pp. 56–61. (In Russ.)
- Zdanovich G.B., Malyutina T.S., Zdanovich D.G., 2020. Arkaim. Arkheologiya ukreplennykh poseleniy [Arkaim. Archaeology of fortified settlements.], 1. Zhilishcha i zhiloe prostranstvo [Dwellings and living space]. Chelyabinsk: Chelyabinskiiy gosudarstvennyy universitet. 450 p.
- Zimina O.Yu., 2005. Analogies to the circular fortified settlements of the Tyumen area of the Tobol region in the system of circular sites of the Ural-Siberian region. *AB OVO: Problemy genezisa kul'tury [AB OVO: Problems of the genesis of culture]*. A.G. Emanov, ed. Tyumen': Tyumenskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 71–84. (In Russ.)
- Zimina O.Yu., Zakh V.A., 2009. Nizhnee Pritobol'e na rubezhe bronzovogo i zheleznoogo vekov [The Lower Tobol River region at the turn of the Bronze and Iron Ages]. Novosibirsk: Nauka. 232 p.